

Грамматика современного языка

1. Употребление артиклей с некоторыми отвлеченными именами существительными (Т. В. Соколова; П—3а).
2. Употребление прошедшего длительного как элемента стиля в языке современной художественной литературы (В. Н. Чернышева; П—3а).
3. Исследование процесса субстантивации имен прилагательных (Ю. Гурьева; П—3а).
4. Абстрактные имена существительные с суффиксом *-ment* в современном английском языке (Э. Парейтите; У—6).
5. Междометия в английском языке (С. В. Беккенштейн; П—3б).
6. Адъективные словосочетания в современном английском языке (Ц. С. Горалек; П—3б).
7. Герундиальные сочетания в составе предложений (С. Н. Бронникова; П—3а).
8. Супплетивизм в германских языках (канд. филол. наук В. П. Конечкая; П—3б). Докторская диссертация.
9. Предложения с вводящим *it*, выражающие состояние в современном английском языке (В. С. Денисова; П—3а).
10. Предложения с причастным сказуемым в английском языке (Ю. И. Комиссарова; П—3а).
11. Семантическая нагрузка членов простого предложения в современном английском языке (К. Ф. Гриценко; П—3а).
12. Грамматические признаки различных типов сложных предложений (С. Дубровская; П—3а).
13. Исследование употребления прошедшего простого времени в сложных предло-

жениях и сложных синтаксических единствах (Т. Е. Тчанникова; П—3а).

14. Соподчинение предложений и его употребление как средства выразительности в произведениях художественной прозы (Е. С. Голенко; П—3а).

15. Синтаксис художественной прозы О. Голдсмита (Т. Я. Ряднова; П—3а).

Литовский язык

1. Фразеология сочинений П. Цвирки (И. Ишкаускас; У—а).
2. Лексика сочинений К. Довелайтиса (И. Кабелка; У—а).
3. Употребление инфинитива в литовском языке (В. Манюкене; У—а).
4. Связные слова в литовском языке (И. Жукаускайте; У—а).

Сопоставление или сравнение явлений двух языков

1. Сравнительный анализ консонантизма английского и литовского языков (Р. Априяските; У—6).
2. Сопоставление значений и употребления времен глагола в английском и немецком языках (М. В. Богоутдинов; П—3а).
3. Частотный словарь румынско-молдавского языка (Л. А. Новак; П—2).

Классическая филология

1. История классической филологии в имп. Вильнюсском университете в 1803—1832 гг. (Е. Фролов; У—в).
2. «Медья» Еврипида (Б. Казлаускас; У—в).
3. «Георгики» Вергилия (Р. Забудис; У—в).

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 1956 г. Институт болгарского языка Болгарской АН и Институт славяноведения АН СССР ведут совместную работу над 1-м томом «Атласа болгарских говоров». Этот том охватывает говоры юго-восточной Болгарии — наименее изученной в диалектном отношении территории. Было проведено 4 экспедиции, в которых принимали участие научные сотрудники обоих институтов, а также преподаватели и студенты Софийского университета и учителя болгарских школ. В связи с предстоящим завершением работы в Москве с 1 по 4 июня 1959 г. состоялось специальное совещание, в котором приняли участие зав. сектором диалектологии Института болгарского языка Болгарской АН проф. Ст. Стойков и науч. сотр. того же института Хр. Холиолчев, научные сотрудники трех институтов АН СССР (славяноведения, русского языка, этнографии), Института языкознания АН УССР, преподаватели Московского, Ленинградского и Одесского университетов и сотрудники ряда других учреждений.

В кратком вступительном слове проф. С. Б. Бернштейн характеризовал совещание как яркое свидетельство творческого содружества болгарских и совет-

ских языковедов. Болгарская лингвистическая наука всегда была тесно связана с русской наукой. Хотя русские языковеды прошлого и много сделали для изучения болгарского языка, однако никогда деятельность ученых двух стран не была так тесно связана, как в настоящее время. Впервые проводятся большие совместные работы, создаются коллективные труды, имеются общие научные органы печати («Статьи и материалы по болгарской диалектологии»). Выступивший затем проф. Ст. Стойков подчеркнул, что совместная работа по созданию «Атласа болгарских говоров» является одним из крупнейших начинаний болгарской лингвистики, которое даст возможность решить ряд важнейших вопросов, связанных с развитием болгарского языка.

В докладе Хр. Холиолчева «Итоги картографирования диалектологических материалов трех экспедиций (1956—1958 гг.)» в Институте болгарского языка Болгарской АН говорилось об итогах пробного картографирования в Институте болгарского языка. В докладе была дана оценка собранного материала и характеристика фонетических, морфологических и

лексических карт, выполненных сотрудниками Института болгарского языка Б. Велчевой, К. Костовым и Хр. Холиолчевым.

В докладе «Фонетические карты» Т. В. Попова (Институт славяноведения) остановилась на двух важнейших вопросах болгарской диалектологии: мягкости (твердости) конечных согласных и типах чередования этимологических *ѣ* и *а*. Собранный для «Атласа» материал вносит существенные коррективы в представление о распространении этих явлений в юго-восточных говорах, в частности о распространении так называемого южноболгарского типа рефлекса *ѣ*.

Следующие два доклада (научных сотрудников того же института) были посвящены морфологическим картам: один из них на тему «Имена существительные и местоимения» был прочитан Э. И. Зелениной, другой — «Глагол» — Г. К. Венедиктовым.

В выступлениях по докладам отмечалось большое значение создаваемого «Атласа болгарских говоров» не только для дальнейшего развития диалектологии, истории болгарского языка, но и истории населения (В. К. Журавлев, Л. П. Жуковская); подчеркивалось единство методологических принципов, которым следуют составители атласов болгарских и русских говоров (С. Б. Бернштейн, О. Н. Моряховская); отмечались и некоторые различия в методике сбора материала для атласов русских и болгарских говоров (В. К. Журавлев, С. Б. Бернштейн). Наконец, рядом выступавших в прениях были высказаны критические замечания как по самим докладам, так и по «Программе», по техническому выполнению карт и другим вопросам (О. Н. Моряховская, Л. Э. Калынь, Хр. Холиолчев и др.).

Рассмотренные в докладах карты показали, что собранный материал, несмотря на известные ошибки и недостатки, допущенные при его сборении, является вполне доброкачественным и надежным. В этом убеждает прежде всего наличие многих четких изоглосс, позволяющих теперь более точно и аргументированно производить группировку юго-восточных говоров. Этому был посвящен доклад «Группировка говоров и характер основных изоглосс» канд. филол. наук Е. В. Чешко (Институт славяноведения), продолжившей здесь исследование этого вопроса, начатое Ст. Стойковым¹.

В связи с докладом Е. В. Чешко на совещании встал очень важный вопрос о более древнем распределении диалектов и об истории населения юго-восточной Болгарии. В прениях приняли участие: В. М. Иллич-Свितिц, Н. И. Толстой, Хр. Холиолчев, Ст. Стойков.

Доклад проф. С. Б. Бернштейна «Принципы построения комментариев к кар-

там „Атласа болгарских говоров“» был посвящен одному из наименее разработанных вопросов теории и методики лингвистической географии. Может быть поэтому вопрос этот вызвал наиболее оживленную дискуссию на совещании. Докладчик считает, что в «Атласе» центральное место должны занимать не карты, а комментарии к картам. Именно таким представляется ему вышедший 1-й том «Атласа русских говоров». Поэтому комментарии должны содержать весь собранный материал с полной его характеристикой, что даст возможность читателю карт активно оценивать материал, а иногда, может быть, прийти и к иному решению вопроса. По мнению С. Б. Бернштейна, при составлении комментариев нельзя игнорировать старый диалектный материал, как это делали авторы первых лингвистических атласов. Необходимо использовать также данные «Атласа болгарских говоров в СССР» (М., 1958). В общем «комментарии должны дать ценный, полный и проверенный материал для будущего исследования», но они «не должны представлять собой исследования».

За включение указанных в докладе материалов (всех или частично) выступили В. М. Иллич-Свितिц, Е. В. Чешко, Е. И. Демина и др. Другие выступавшие — Ст. Стойков, Хр. Холиолчев, Е. В. Немченко — были вообще против включения каких-либо посторонних материалов. Проф. Ст. Стойков даже предложил вместо «комментариев» говорить о «примечаниях» к картам «Атласа». Было высказано мнение о целесообразности изучения быстро исчезающих говоров фракийских переселенцев (И. К. Бунина, Н. И. Толстой). Некоторые из выступавших говорили о необходимости картографирования в этом «Атласе» говоров, находящихся за пределами Болгарии, в виде помешенных на картах врезок, диаграмм и т. п. (Л. П. Жуковская, Н. И. Толстой).

Проф. Ст. Стойков посвятил свой доклад характеристике вышедшего в Москве в 1958 г. «Атласа болгарских говоров в СССР», составленного С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной. По мнению Ст. Стойкова, этот «Атлас» — серьезная и важная научная работа, имеющая большое значение не только для болгарской диалектологии и болгарского языкознания, но и для славянского языкознания, а некоторые его особенности имеют и общетеоретическое значение. Обосновав положительную характеристику «Атласа», докладчик высказал и отдельные конкретные критические замечания (непоследовательность транскрипции, неучасть некоторых терминов, ошибочная интерпретация некоторых форм, иногда отсутствие комментариев и др.).

Выступавшие в прениях (И. Матвиев, Л. П. Жуковская, Хр. Холиолчев и др.) согласились с высокой оценкой, которую дал «Атласу» Ст. Стойков, и также высказали ряд критических замечаний в адрес «Атласа». По докладу Ст. Стойкова выступили и состави-

¹ См. Ст. Стойков, Странджанский говор, «Български език», год. VII, кн. 3, 1957.

тели «Атласа»: С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко и Э. И. Зеленина. В ходе совещания состоялось несколько заседаний авторского коллектива, на которых были обсуждены карты, составленные в обоих институтах, вопросы технического оформления карт, составления комментариев к ним и произведено окончательное распределение работы между институтами. Выступивший на одном из заседаний канд. филол. наук И. Матвияс (Институт языкознания УССР) рассказал о работе украинских диалектологов, в частности о ходе работы по составлению Атласа украинских говоров.

Текст докладов и подробное изложение выступлений участников совещания будут опубликованы в 10-м выпуске «Статей и материалов по болгарской диалектологии».

Г. К. Венедиктов
(Москва)

15—18 июня 1959 г. в Кишиневе состоялось Всесоюзное лексикографическое совещание по вопросам составления национально-русских словарей, организованное Координационной комиссией по лексикографии при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР и Институтом языка и литературы Молд. филиала АН СССР. В работе совещания приняли участие лексикографы Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и областей.

Председатель Президиума Молд. филиала АН СССР доктор истор. наук Я. С. Гросула в своем вступительном слове, отметив большое значение лексикографической работы для подъема культуры национальных республик и областей, охарактеризовал общие задачи лексикографии на ближайшие годы семилетнего плана.

На совещании были заслушаны доклады: А. М. Бабкина (Ленинград) «Некоторые вопросы составления толковых и двуязычных словарей», доктора филол. наук Н. А. Баскакова (Москва) «Из опыта составления караимско-русского словаря», зав. сектором словарей Ин-та языка и лит-ры Молд. филиала АН СССР А. Т. Борща (Кишинев) «Локализмы в двуязычном словаре (на материале молдавско-русского словаря)», научн. сотр. М. В. Подико (Кишинев) «О двуязычном словаре школьного типа», канд. филол. наук В. П. Соловьева (Кишинев) «К вопросу о нормативности в молдавско-русском словаре» и сообщения по частным вопросам лексикографии — кандидатов филол. наук С. И. Билетова (Бельцы), Е. Э. Бришаковой (Ленинград), И. В. Идричана (Кишинев), Н. Г. Корлятину (Кишинев), Л. А. Новак (Бельцы), Ф. П. Сороколетова (Ленинград) и др.

На совещании был поставлен также доклад гл. ред-ра Изд-ва иностранных и национальных словарей К. А. Марцышевой (Москва) «О семилетнем плане Издательства иностранных и национальных словарей и об опыте международного

сотрудничества в области составления национально-русских словарей».

В заключение были заслушаны сообщения о лексикографической работе на местах доктора филол. наук Л. Л. Гумецкой (Львов), кандидатов филол. наук В. С. Ильина (Киев), М. Н. Чабавили (Тбилиси), А. А. Оруджева (Баку), М. М. Стенгревич (Рига), Ульвидас Казис (Вильнюс), Г. С. Смирнова (Казань), Шагдарова Лубсандорж и (Улан-Удэ), проф. Э. И. Нурма (Таллин), научн. сотр. С. Туреева (Нкуни) и др.

С итогами работы совещания выступили директор ИЯЛ Молд. филиала АН СССР проф. К. И. Вартичан и председатель Координационной комиссии по составлению толковых и двуязычных словарей при Бюро ОЛЯ АН СССР О. С. Ахманова.

Н. А. Баскаков
(Москва)

С 19 по 31 июля 1959 г. в Дженцано секцией русского языка и литературы Ассоциации «Италия — СССР» был проведен Второй национальный семинар преподавателей русского языка и студентов, изучающих русский язык и литературу². В семинаре приняли участие преподаватели и студенты из Генуи, Милана, Брешии, Триеста, Падуи, Виченцы, Тревизо, Венеции, Болоньи, Флоренции, Рима — всего в количестве более 40 человек.

Доктор Альберто Карпителла (Alberto Carpitella) в своем вступительном докладе прежде всего отметил успех предшествовавшего, Первого семинара³, вызвавшего широкие отклики со стороны преподавателей и студентов многих городов Италии. На Первом семинаре был обсужден ряд вопросов преподавания и изучения русского языка, а также рассмотрены отдельные проблемы творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. С участниками семинара были проведены, кроме того, занятия по вопросам развития речи, морфологии (употребление видов русского глагола, модальные слова), а также по результатам прошедшего в Москве (в том же 1958 г.) Международного семинара студентов, изучающих русский язык. Помимо демонстрации советских кинофильмов на Первом семинаре были прослушаны записи и двух пьес — «Дяди Вани» А. П. Чехова и «Ревизора» Н. В. Гоголя в исполнении артистов МХАТ'а и Малого академического театра.

Далее А. Карпителла сделал обзор изучения русского языка в Италии, начиная

² По материалам, присланным Итальянским обществом культурной связи с Советским Союзом («Italia — URSS» — Associazione Italiana per i rapporti culturali con l'Unione Sovietica).

³ Первый семинар, организованный той же секцией русского языка и литературы, состоялся 22—30 сентября 1958 г.

со времени после первой мировой войны, и указал при этом на те препятствия, какие встречало это изучение, особенно в годы фашизма. Охарактеризовав изучение итальянского языка в СССР, как находящееся «на высоком уровне»⁴, докладчик подчеркнул, что в Италии постановка изучения русского языка и литературы, наоборот, несмотря на рост широкого к нему интереса, все еще остается неудовлетворительной.

В Италии существует немало частных курсов; активную и самоотверженную работу ведет секция русского языка и литературы Общества «Италия — СССР»⁵, выросли значительные кадры переводчиков, знакомящих своих соотечественников с русской классической и современной советской литературой. Однако Италия в отношении организации изучения русского языка в государственных культурных учреждениях все еще отстает от таких стран, как Франция, Англия, Бельгия, США.

Особо А. Карпителла остановился на обзоре и характеристике существующих в Италии пособий по русскому языку, учебников, грамматик и словарей, отметив при этом, что одной из существенных причин отставания в данной области является общий недостаток развития итальянской лингвистики. До 1939 г., сказал А. Карпителла, не было исторической грамматики итальянского языка, написанной итальянским автором, не было научной, хотя бы описательной, грамматики современного итальянского языка. Разработка синтаксиса находилась в начальной стадии, а истории языка были посвящены лишь отдельные монографии. В Италии как раньше, так и теперь не проявляется стремления к обобщению лингвистических данных, и в этом отношении труды М. Бартоли и В. Пизани являются исключением. Основной же недостаток А. Карпителла видит «в отсутствии институтов, которые смогли бы объединить на основе единого плана на современном научном уровне ученых, способных развернуть подлинно творче-

⁴ Итальянский язык, как указал докладчик, изучается в СССР: в педагогических институтах иностранных языков, в Московском ин-те международных отношений (курс 3-летний и 5-годичный), в университетах — Московском (на филологическом, историческом и экономическом факультетах), Ленинградском, Киевском, Львовском и др., в 22 консерваториях, в 130 музыкальных училищах; имеются курсы итальянского языка при АН СССР, Академии архитектуры и строительства, Ин-те научной информации, Комитете радиовещания, Министерстве внешней торговли СССР, Союзе советских обществ дружбы, в библиотеках и т. д.; кружки итальянского языка существуют также во многих учреждениях, предприятиях, школах Москвы и других городов Советского Союза.

⁵ В настоящее время секция разработала для представления в законодательные органы законопроект о введении обучения русскому языку во всех средних технических учебных заведениях Италии.

скую работу по ряду вопросов, в постановке которых заинтересована наша национальная культура как в области литературы, так и в области филологии, историографии, этнологии и т. д.

В заключение своего доклада А. Карпителла, ознакомив участников семинара с намеченной программой занятий, внес на семинар два предложения:

1. Обратиться «с призывом к итальянским деятелям культуры, к писателям, литературным критикам, чтобы они уделяли больше внимания изучению русского языка, критическому обсуждению произведений русской и советской литературы, в которых затрагиваются некоторые основные темы современной жизни».

2. Создать «в главных итальянских городах центры по изучению русского языка и литературы», возложив на них задачи: объединения изучающих русский язык и литературу; обеспечения периодических встреч и совещаний; организации конференций и дискуссий по издательской деятельности; проведения мероприятий по привлечению писателей и критиков к обсуждению проблем соприкосновения и расхождения между итальянской и русской литературой и т. д. и т. п.

Второй семинар прошел с большим успехом; была осуществлена разработанная секцией программа занятий. Во время этих занятий были прослушаны доклады и лекции⁶, охватившие более десяти грамматических тем (главным образом представляющих наибольшие трудности для итальянцев, которые изучают русский язык, — спряжение глагола, причастные, деепричастные и инфинитивные формы, склонение существительных, местоимения), некоторые вопросы грамматической стилистики, современного словаря, методики преподавания русского языка, четыре литературные темы (творчество А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова). Лекции сопровождалась упражнениями (с последующей проверкой), изучением живой речи (прослушивание чтения произведений А. С. Пушкина: «Станционный смотритель», «Метель», «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Скупой рыцарь»; Н. В. Гоголя: «Нос», «Шинель»; А. П. Чехова: «Каштанка», «Три сестры» — все это в исполнении В. И. Качалова, Игоря Ильинского и других крупных советских артистов. Слушатели семинара и сами читали вслух и переводили эти произведения). На семинаре демонстрировались и советские фильмы «Пирогов», «Суворов», «Чапаев», «Крейсер „Варяг“», «Сын полка», «Максимка» и др.).

На заключительном собрании участники семинара выступили с заявлением, в ко-

⁶ Частично лекции и доклады принадлежали славянским ученым и методистам (Н. К. Гудзий, И. Р. Палей, М. В. Ушаков и др. — СССР, А. В. Исаченко — Чехословакия) и были зачитаны профессорами семинара, выступавшими также и со своими темами.

тором положительно оценили проведенные занятия, приняли оба предложения А. Карпителла, вынесли благодарность секции русского языка и литературы Ассоциации «Италия — СССР» и единогласно приняли решение посвятить Третий национальный семинар в 1960 г. творчеству М. Горького⁷.

С 31 августа по 5 сентября в Лондоне происходил Третий международный конгресс классических наук. Большинство докладов было посвящено вопросам классической истории, философии и искусства. На конгрессе также были прочитаны интересные доклады по лингвистике — о минойских таблицах [Э. Перручи (Урбино, Италия)], о лингвистических и этнических взаимоотношениях минойцев [К. Гордон (США)].

М. М.

С 7 по 12 сентября 1959 г. в Кембридже (Англия) состоялась организованная Кембриджским университетом 12-я Международная конференция Китаеведов (так называемая Конференция молодых сиологов).

В конференции принимали участие свыше 130 Китаеведов из различных стран: Франции, СССР, Италии, Голландии, Дании, США, Японии, Чехословакии, Польши, Турции, Швейцарии, Швеции и т. д. Довольно большой была советская делегация (13 Китаеведов различных профилей). Из стран народной демократии прибыли Я. Прушек и Т. Погора (Чехословакия), Я. Хмелевский (Польша), К. Каден (ГДР). Основную массу участников конференции составляли по традиции молодые ученые и аспиранты; в числе их было также несколько студентов-Китаеведов из Англии (Кембридж), ФРГ (Мюнхен) и США. Вместе с тем в работе конференции приняли участие и многие известные ученые: В. Саймон, А. Вэйли, П. Ван дер Лун, Е. Г. Пулеблэнк (Англия), Ж. Шэно и А. Рыгалов (Франция), А. Хулсвэ (Голландия), В. Франке (ФРГ) и др.

Из-за трудностей с получением английских въездных виз в работе конференции не смогли принять участия ученые Китайской Народной Республики. В связи с этим конференция направила в адрес Академии наук КНР телеграмму, в которой подчеркивалась роль китайских ученых в развитии мирового Китаеведения и выражалось сожаление о том, что ученые КНР не смогли принять участия в работе конференции.

Международные конференции Китаеведов являются комплексными собраниями. Поэтому на 12-й Международной конференции рассматривались вопросы китайской истории, философии, литературоведения, языкознания. Работа конференции осуществлялась не в секциях, а на общих засе-

даниях, и каждое заседание обычно посвящалось докладом по одной дисциплине.

Лингвистические доклады были заслушаны на заседании 11 сентября. Из них три доклада были посвящены древнему, два — современному китайскому языку. Доклад Е. Пулеблэнка (который является не только лингвистом, но и историком и литературоведом) «Исторический метод и лингвистическое исследование в приложении к классическому китайскому языку» был посвящен технике исследования древних текстов и методике установления лексических и грамматических значений слов в текстах разного времени при помощи грамматического анализа.

Доклад Ж. Мюлдера (Голландия) «О морфологической структуре отрицаний в древнем китайском языке» связан с темой подготовленной докладчиком диссертации. Основываясь на реконструкциях Б. Карлгрена, Мюлдер исследует звуковой облик отрицаний, их функции или структурные значения (валентности, по его терминологии) и отыскивает в языке слова с положительным значением, являющиеся парными по отношению к словам с отрицательным значением.

Я. Хмелевский в своем докладе «Два заимствованных слова в раннем китайском языке» проследил пути проникновения двух двусложных заимствованных и неэтимологизируемых слов в китайский язык.

В докладе Н. В. Солдцовой (СССР) «Морфологические проблемы в современном китайском языке» частные грамматические категории в китайском языке трактовались как внешние, благоприобретенные по отношению к общим грамматическим категориям (частям речи), и таким образом доказывалось, что общие грамматические категории не базируются на частных грамматических категориях.

Доклад Б. С. Исаенко (СССР) «Слова со связанным значением» был посвящен проблеме специфической группы слов китайского языка, которые он определяет как «слова со связанным значением» и к которым докладчик относит слова, самостоятельные по всем грамматическим признакам, но с ограниченной смысловой сочетаемостью и вследствие этого употребляющиеся лишь в определенном контексте.

Кроме того, значительный интерес для лингвистов представил доклад У Ши-чана (Оксфорд) «О некоторых проблемах романа „Хунлюэмэн“», прочитанный на заседании 10 сентября, посвященном вопросам литературоведения. Доклад был полемически направлен против выводов известного шведского сиолога Б. Карлгрена. Исследовавший обе части этого романа, Б. Карлгрен, оперируя лингвистическим методом, в свое время доказывал, что обе части принадлежали перу одного автора. У Ши-чан, применив ту же методику, что и Карлгрен, привлек гораздо больший материал и, основываясь на его исследовании, пришел к противоположному выводу. Б. Карлгрен, как известно, пользуется большой популярностью среди западных

⁷ См. отклики в августовском номере «Realto sovietica» (стр. 31), а также в газетах от 6 VIII 1959 г. — «Unita» (стр. 3) и «Il Paese» (стр. 5).

синологов, поэтому при обсуждении доклада В. Саймона призвал к осторожности в попытках переоценки материалов и выводов Б. Карлгрена. Интересно, однако, отметить, что в то же время известный английский синолог А. Вэйли в своем выступлении советовал относиться к выводам Б. Карлгрена критически и больше прислушиваться к мнению ученых, для которых китайский язык является родным.

Уже сами по себе доклады и выступления в прениях в известной мере характеризуют круг интересов зарубежных синологов-лингвистов. Несомненно, что более всего привлекает лингвистов, в особенности представителей старшего поколения, древний китайский язык. Тем не менее за последние годы среди зарубежных лингвистов наметилось также усиление внимания к изучению современного китайского языка. Многие лингвисты — Г. Ф. Саймон и М. А. К. Халлидэй (Англия), А. Рыгалов (Франция), С. Егерод (Дания) — интересуются общими проблемами строя китайского языка и его типологии.

С интересом отнеслись участники конференции к вопросу об использовании нового фонетического алфавита, созданного в КНР. На заключительном заседании конференции по этому вопросу была принята резолюция, выработанная специальной комиссией. Резолюция содержит предложение обсудить на следующей Международной конференции китаеведов вопрос об использовании всеми синологами в целях транскрибирования нового фонетического алфавита.

Н. В. Солнцева
(Москва)

С 15 по 18 сентября 1959 г. в Самарканде по инициативе языковедческих кафедр Узбекского гос. ун-та им. А. Навои состоялось совещание по вопросам теории и практики фразеологии, в котором приняло участие более 40 языковедов из 23 вузов республик Средней Азии, Казахстана, РСФСР, Грузии и Азербайджана.

Работа совещания проходила по трем секциям: фразеологии тюркских языков, славянских языков, романо-германских и иранских языков. Общее руководство совещанием осуществлял председатель Института языкознания АН СССР доктор филол. наук Э. В. Севортян.

Участники совещания заслушали и обсудили 34 доклада и сообщения. В докладе проф. У. Турсунова (Самарканд) «Состояние и задачи изучения фразеологии узбекского языка» подведены итоги изучения фразеологии в Узбекистане и намечены конкретные пути дальнейшей работы. В докладе канд. филол. наук Н. М. Сакварелидзе (соавтор — А. А. Такайшвили, Тбилиси) «Изучение вопросов фразеологии в грузинском языкознании» наряду с сообщением о современном состоянии грузинской фразеологии был затронут и ряд теоретических вопросов. В частности, грузинские языковеды считают целесообразным ограничить область

фразеологии собственно фразеологическими оборотами, исключая из фразеологии пословицы, поговорки, крылатые слова, традиционные приветствия и т. д.

Доцент Узб. ун-та Л. И. Ройзензон (Самарканд) в своем докладе сделал обзор работ по фразеологии, вышедших в Польше за последние 30 лет. В докладе отмечены успехи польских ученых в области изучения фразеологии родственных языков.

В секции тюркской фразеологии было заслушано 12 докладов. Канд. филол. наук А. А. Коклянова (Москва) в своем докладе «Границы между фразеологическими и свободными словосочетаниями (на материале узбекского языка)» предлагает при разграничении фразеологических и свободных словосочетаний делать упор на фактор устойчивости данного сочетания и на выяснение закономерностей сочетаемости слов в данном языке. В частности, А. А. Коклянова отрицательно смотрит на отнесение к фразеологии устойчивых терминологических выражений типа *темир йўл*, *коммунистик партия*. Была также отмечена важность учета исторических факторов при возникновении фразеологизмов. Напротив, Т. У. Уринов (г. Карши) в докладе «Термины, выраженные устойчивыми сочетаниями (на материале узбекского языка)» рассматривает среди фразеологических единиц и терминологические словосочетания. Судя по выступлениям, этот вопрос, очевидно, еще не раз будет предметом дискуссий.

В докладе Ч. Г. Сайфуллина (Алма-Ата) «Уйгурская фразеология» была дана детальная морфологическая классификация фразеологических единиц уйгурского языка. Ч. Г. Сайфуллин, подобно проф. А. А. Реформатскому, слишком широко понимает фразеологию, включает в ее состав даже отдельные слова в метафорическом употреблении. Эта точка зрения не получила поддержки у выступавших.

Доклад Ш. Рахматуллаева (Ташкент) «Об одной особенности грамматической структуры фразеологических единиц в современном узбекском языке» был связан с вопросом грамматического оформления компонентов, входящих в состав фразеологизма.†

В докладах Н. Шукурова (Самарканд) «Стилистическое использование фразеологических оборотов в поэзии Г. Гуляма» и М. Хусанова (Самарканд) «Фразеология произведений Айдын» были прослежены конкретные авторские приемы включения фразеологизмов в контекст и даны наблюдения над их стилистическими функциями как особого рода художественно-образительных речевых средств. К данным докладам примыкают доклады доц. С. Мирзаева и доц. Х. Даниярова (Самарканд) «О переводе фразеологии рассказов Айдын на русский язык» и Ю. Пулатова (Самарканд) «Особенности перевода фразеологических оборотов с русского языка на узбекский».

На актуальную тему был дан доклад доц. Х. Даниярова (Самарканд)

«Наблюдения над фразеологией джекающих говоров узбекского языка», поскольку диалектная фразеология до сих пор остается наименее изученной областью.

Оживленную дискуссию вызвали доклады: доц. Х. Бердиярова (Самарканд) «Некоторые вопросы узбекской фразеологии», доп. Г. А. Байрамова (Баку) «Фразеологизм и о принципах составления фразеологического словаря азербайджанского языка», доп. Г. Очилов ой (Ашхабад) «Туркменская фразеология». Несмотря на практическую направленность упомянутых докладов, в них были также поставлены некоторые общетеоретические вопросы, в частности о принципах подачи фразеологизмов, о том, какие устойчивые словосочетания следует включать в словарь.

На секции романо-германских и иранских языков было заслушано 6 докладов и 2 сообщения. В сообщении Ю. М. Феличкина рассказывается о работе кафедры романо-германских языков Узб. ГУ по составлению краткого французско-узбекского словаря идиом. Все остальные выступления касались частных вопросов отдельных языков. Ст. преп. В. Б. Сосновская (Алма-Ата) сделала доклад на тему: «К вопросу образования фразеологических единиц типа *to come to* в английском языке» и сообщение «О сочетаниях глагола *to be* + предложное наречие (типа *to be off*)». Доклад ст. преп. В. Е. Щеткина (Самарканд) «О становлении некоторых фразеологизмов во французском языке» связан с наблюдением над некоторыми устойчивыми группами слов модального характера типа *à mon avis, ce me semble, peut être*.

Л. К. Жук ова (Самарканд) в своем докладе «Г азобщенные фразеологизмы в романе Голсуорси „Белая обезьяна“» проследила способы авторской обработки фразеологических выражений. Наблюдения над стилистическим использованием фразеологизмов содержит и доклад канд. филол. наук А. Н. Мороховского (Самарканд) «К вопросу о характере взаимоотношений компонентов фразеологических сочетаний в английском языке». Об особенностях отрицательных фразеологических словосочетаний во французском языке говорил в своем докладе Л. М. Минкина (Самарканд). Доп. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) рассмотрела некоторые вопросы фразеологии курдского языка и, в частности, основные структурно-семантические особенности глагольных фразеологизмов.

Интересные доклады были заслушаны и в секции русской фразеологии. Доп. М. М. Копыленко (Алма-Ата) в докладе «Фразеологические явления в памятниках славянской переводной литературы X — XII вв.», основываясь на сопоставлении древнеславянских переводов («Иудейская война» Иосифа Флавия, «Хроника Георгия Амартола» и др.) с их древнегреческими подлинниками, представил очень интересные наблюдения над фразеологическим богатством и фразеотворчеством древ-

неславянских переводчиков. Второй доклад — Л. П. Ефремова (Алма-Ата) «Лексическое и фразеологическое калькирование» — дает картину калькирования в современном русском языке. Автор рассматривает фразеологические кальки как различные типы устойчивых словосочетаний, воспроизводящих структуру и значение соответствующих иноязычных оригиналов.

Интересные наблюдения содержал доклад доц. А. Е. Супруна (Фрунзе) «Некоторые особенности фразеологических единиц с числительными», особенно о процессе окачествления числительных в составе некоторых фразеологических речений. Фразеологизмам-терминам посвящен доклад канд. философских наук А. Л. Брудного (Фрунзе) «О некоторых особенностях фразеологизмов, обладающих терминологическим значением». Фразеологические образования с предложно-падежными оборотами в современном русском языке явились темой сообщения ст. преп. А. А. Цоя (Самарканд). Доп. В. М. Никитевич (Алма-Ата) в своем докладе «Лексико-грамматические отношения в словосочетаниях фразеологического типа в русском языке», указав на неточность и ненадежность принципов логического выделения связанных словосочетаний, предложил структурно-грамматический метод. Доп. И. М. Багрянский (Самарканд) познакомил аудиторию с некоторыми наблюдениями над фразеологией «Поднятой целины» М. А. Шолохова (по опубликованным главам второй книги). Специфику видовой корреляции в фразеологических единицах русского языка рассматривал в своем докладе «О некоторых особенностях глагольных фразеологизмов русского языка» А. Н. Тихонов (Самарканд).

Исключительно вопросам теории фразеологии были посвящены доклады доцентов Ю. Р. Гепнера (Харьков), В. П. Жукова (Гурьев) и Л. И. Ройзензона (Самарканд). Основные положения доклада Ю. Р. Гепнера «Фразеология в системе русского языка» сводятся к тому, что фразеология как отрасль языкознания должна быть отделена от лексикологии и выделена в самостоятельную лингвистическую науку. Кроме того, были затронуты вопросы фразеологического творчества писателя, фразеобразования в общелитературном языке и др. В докладе В. П. Жукова «О смысловой структуре фразеологизмов» обосновываются положения о их «внутренней форме» и о «смысловом центре». Некоторые новые теоретические положения были выдвинуты и в докладе «Фразеологизация как лингвистическое явление» Л. И. Ройзензона, предложившего различать три типа фразеологических образований: неразложимые (слома голоеу), связанные (несуветная чувш) и постоянные (стабилизированные) (железная дорога, красный уголок). Все эти три типа объединяются термином «устойчивые образования». В отличие от Н. М. Шанского, докладчик считает, что фразеологизмами могут быть не только сло-

восочетания и предложения, но и сочетания слов типа *по горло, по гроб, не айти*. Л. И. Ройзензон строго разграничивает понятия фразеологизации и идиоматизации. Последнее является только частным (хотя и очень распространенным) случаем первого и, как правило, приводит к образованию идиоматических выражений. Все образования, подвергающиеся в языке фразеологизации, докладчик делит на две группы: а) индивидуальные фразеологические и б) типологические. Л. И. Ройзензон выдвинул также положение о внутренних (первичных) и внешних (вторичных) фразеологических связях.

В конце работы совещания была принята следующая резолюция: 1) считать целесообразным проведение аналогичных совещаний не реже одного раза в год; 2) создать инициативную группу в составе доктора филологических наук Э. В. Севортяна (Москва), проф. У. Т. Турсунова (Самарканд), канд. филол. наук Ш. Гахматуллаева (Ташкент), канд. филол. наук Ч. Г. Сайфуллина (Алма-Ата), доц. В. М. Никитевича (Алма-Ата), доц. Л. И. Ройзензона (Самарканд), доц. Дж. Шукурова (Фрунзе), доц. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) и других, в задачу которой входит организация координационного комитета по фразеологии, призванного направлять в дальнейшем все виды работ в теоретической и практической областях фразеологии; 3) выпустить сборник материалов данного совещания; 4) ходатайствовать перед соответствующими организациями об издании периодического бюллетеня по фразеологии (два номера в год по 4 печ. листа).

Л. И. Ройзензон, Д. М. Насилов
(Самарканд)

С 15 по 18 сентября 1959 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков, проведенное Институтом языкознания АН СССР. В работе совещания, кроме сотрудников Института языкознания, приняли также участие языковеды финно-угорских республик Советского Союза: Эстон. ССР, Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской АССР, Коми-Пермяцкого национального округа, Ленинграда, научные сотрудники Института национальных школ АН РСФСР, Института этнографии АН СССР и др.

Во вступительном слове зав. сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР доктор филол. наук К. Е. Майтинская (Москва), сделав краткий обзор состояния финно-угорского языкознания за предшествующий период, отметила, что советское финно-угорское языкознание в настоящее время характеризуется углубленным изучением современных диалектов, планомерным исследованием теоретических проблем в области фонетики, грамматики и лексикологии. В последние годы окрепли контакты с зарубежными финно-угроведами.

На пленарных заседаниях состоялось 11 докладов. Кроме того, 20 докладов и сообщений были заслушаны на двух сессиях: секции прибалтийско-финских и самского языков и секции волжских и пермских языков.

Почти все доклады были посвящены историческим исследованиям конкретных вопросов финно-угорской фонетики, грамматики, лексикологии и диалектологии. В докладах, состоявшихся на пленарных заседаниях, рассматривались как общие вопросы сравнительно-исторического изучения финно-угорской языковой семьи, так и наименее разработанная проблематика в отдельных ее группах. Секционные доклады охватывали материалы одного языка или же целой близко родственной группы.

Доктор филол. наук В. И. Лыткин (Москва) в докладе «Некоторые вопросы вокализма финно-угорских языков» указал, что основной причиной неразработанности истории финно-угорских гласных является недостаточная изученность источников исторической фонетики, в особенности по восточнофинским языкам, древних памятников письменности, диалектов, словарных заимствований и т. д. В. И. Лыткин высказал мнение, что первоначальные звуки финно-угорского языка-основы возможно реконструировать, лишь опираясь на результаты предварительно проведенного сравнительно-исторического анализа звуковых систем отдельных ветвей финно-угорской семьи языков. Эта точка зрения В. И. Лыткина нашла поддержку во всех выступлениях по его докладу.

Обсуждение доклада доктора филол. наук К. Е. Майтинской «Функция местоименного суффикса *-л-* в личных местоимениях финно-угорских языков» вылилось в большую дискуссию. В результате анализа таблицы местоимений всех финно-угорских языков К. Е. Майтинская пришла к выводу, что суффикс *-л-* в этих языках выступал в качестве оформителя личных местоимений и поэтому отсутствует в случаях, когда в функции личного местоимения употребляется местоимение указательное.

Член-корр. АН СССР Б. А. Серебряников (Москва) признал спорным утверждение К. Е. Майтинской о том, что *-л-* в местоимениях когда-то обозначал класс одушевленный, класс человека. Акад. Эст. АН П. А. Аристе говорил, что какая-то дифференциация одушевленности и неодушевленности в финно-угорском языке-основе, по-видимому, была. Об этом можно судить по некоторым очень архаичным показателям в отдельных разрядах местоимений современных финно-угорских языков.

Большой интерес вызвал доклад канд. филол. наук А. К. Матвеева (Свердловск) «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала». Докладчик отметил, что изучение финно-угорского наследия в русском языке имеет важное значение как для истории финно-угорских языков и народов, так и для русского языкознания и русской истории.

По мнению А. К. Матвеева, финно-угорское наследие в русской диалектной лексике значительно больше, чем это обычно принято считать. В докладе было приведено большое количество финно-угорских элементов в русской диалектной лексике на территории Северного и Среднего Урала. Выступившие по докладу А. К. Матвеева подчеркнули необходимость перехода к целенаправленному изучению финно-угорских заимствований и финно-угорской топонимики не только языковедам, но и историкам, поскольку эта проблема выходит за пределы лингвистики.

В докладе Б. А. Серебренникова «Из истории склонения имен существительных и личных местоимений в пермских языках» были определены основные критерии, дающие возможность выявить наиболее древний падежный ярус, на который в дальнейшем могли наслаиваться падежи вторичного происхождения пермских языков.

На теоретических положениях доклада Б. А. Серебренникова можно строить изучение вопросов исторической морфологии и других языковых групп.

Мл. науч. сотр. Е. С. Гуляев (Ками филиал АН СССР) в докладе «К вопросу о происхождении эгрессива в пермских языках» утверждал, что эгрессив по происхождению представляет собой контаминацию двух падежных показателей: элатива и терминатива. Эта точка зрения подверглась критике со стороны Б. А. Серебренникова, по мнению которого для такой контаминации столь далеких падежей нет семантического основания.

Канд. филол. наук В. В. Сенкевич-Гудкова (Петрозаводск) в докладе «К вопросу о фонетических и некоторых морфологических сходствах и различиях кольско-саамских диалектов с самодийскими языками» указала, что внутренняя флексия является одной из важнейших самодийских структурных общностей. Обилие черт фонетической общности между кольско-саамскими и самодийскими диалектами, подчеркнула В. В. Сенкевич-Гудкова, доказывает, что так называемые протосаамские явления в фонетике саамского языка представляют собою протOURальские особенности, сохраненные исконно уральским языком со значительной частью, чем другими самодийскими или финно-угорскими языками.

Выступая по сообщению В. В. Сенкевич-Гудковой, Б. А. Серебренников отметил, что в докладе осталось невыясненным, указывают ли приведенные фонетические параллели на генетическое родство или же только на внешнее типологическое сходство. Возможно, что эти образования ничего не имеют общего между собой, поскольку могли возникнуть самостоятельно и в разные эпохи.

В докладе канд. филол. наук В. А. Злобиной (Петрозаводск) «Из истории слов, выражающих состояние в прибалтийско-финских языках» были приведены три пласта слов, выражающих состояние: 1) слова, окончательно отделив-

шиеся от именной сферы; 2) слова, выступающие как наречия и как слова состояния; 3) слова, с одной стороны, сохранившиеся как имена и, с другой — выступающие как слова состояния в определенных синтаксических конструкциях. Слова первой группы, по мнению докладчика, образуют вполне самостоятельную грамматическую категорию, имеющую свои особые грамматические и логико-семантические признаки.

К. Е. Майтинская указала, что некоторые конструкции состояния, приведенные в докладе В. А. Злобиной, являются очень древними и их можно рассматривать как финно-угорское наследие. Б. А. Серебренников признал, что некоторые конструкции, связанные с категорией состояния, являются специфичными лишь для прибалтийско-финских языков и нехарактерными, за исключением очень редких спорадических случаев, для других финно-угорских языков. Однако этот материал в докладе В. А. Злобиной, по мнению Б. А. Серебренникова, был подан в описательном плане. В. Эрнитс (Тарту) обратил внимание на то, что в докладе В. А. Злобиной не были привлечены многие интересные конструкции состояния из прибалтийско-финских языков. Канд. филол. наук З. М. Дубровина (Ленинград) критиковала В. А. Злобину за то, что в своем докладе она преимущественно пользовалась лишь материалами финского языка.

В докладе науч. сотр. М. М. Хямяляйна (Карельский филиал АН СССР) «Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков» были рассмотрены случаи утраты различий между отдельными внешне-местными падежами в карельском, вепском, ижорском и финском языках и их диалектах. Причины совпадения двух внешне-местных падежей в одном, указал докладчик, носят в большинстве случаев фонетический характер. Возникновение различий в употреблении внешне-местных падежей не восходит к прибалтийско-финской языковой общности, а относится к более позднему периоду.

Основные положения доклада М. М. Хямяляйна нашли поддержку в выступлении Б. А. Серебренникова. В. В. Сенкевич-Гудкова дополнила доклад М. М. Хямяляйна рядом интересных примеров из саамских диалектов.

Оживленный обмен мнениями имел место по докладу канд. филол. наук Н. М. Терещенко (Ленинград) «О выражении possessивных отношений в самодийских языках». П. А. Аристея, выступая по этому докладу, подчеркнул, что признак родительного падежа -л- в самодийских языках мог перейти в гортанно-смычный согласный, и в качестве подтверждения привел ряд примеров из эстонских диалектов, в которых встречается звук, близкий по своему качеству к гортанно-смычному согласному самодийских языков. Б. А. Серебренников, напротив,

указал, что для такого перехода были очень малые потенциальные возможности. По-видимому, первоначально это было не чистое *n*, а *n* плюс еще какой-то другой согласный, близкий к гортанно-смычному звуку.

В выступлениях по докладу канд. филол. наук Х. Рятсепа (Тарту) «Об историческом исследовании фразеологии прибалтийско-финских языков» высказывались пожелания об исследовании в широком плане исторических путей становления и развития фразеологии во всех финно-угорских языках с предварительным изданием фразеологических словарей каждого финно-угорского языка в отдельности.

На секции волжских и пермских языков был подвергнут критике доклад канд. филол. наук Н. Ф. Цыганова (Саранск), посвященный мало разработанному вопросу о классификации диалектов эрзя-мордовского языка. Выступившие отметили, что при классификации эрзянских диалектов необходимо опираться не только на их фонетические особенности, но и на лексические и грамматические показатели всех говоров эрзянского языка.

В выступлениях по докладу канд. филол. наук Ф. И. Петербургского (Саранск) «О мордовской транскрипции» указывалось, что докладчик в изложении основной темы сбивался на обсуждение вопросов орфографии и транслитерации, не имеющих прямого отношения к научной транскрипции.

На секции волжских пермских языков состоялись также доклады канд. филол. наук П. Н. Перевощикова (Ижевск) «К вопросу истории образования субъективных деепричастных конструкций в удмуртском языке», канд. филол. наук В. В. Объедкина (Саранск) «К вопросу о сложении эрзянских диалектов и говоров с редуцированным гласным *э* в юго-восточной части Мордовской АССР», доцента Г. А. Нечаева (Сыктывкар) «Функции форманта *-ös* винительного падежа в коми языке», канд. филол. наук И. С. Галкина (Йошкар-Ола) «К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке» и др.

На секции прибалтийско-финских и саамского языков с большим интересом было заслушано сообщение П. А. Аристе «О составлении водского словаря». Как отметил П. А. Аристе, на водском языке теперь говорят всего лишь несколько десятков человек в Кингисеппском р-не Ленинградской обл. Поскольку водский язык в некоторых отношениях находится на более архаичной ступени развития, его изучение важно с точки зрения истории всей группы прибалтийско-финских языков, в которую он входит.

На этой секции также выступили с докладами: канд. филол. наук А. А. Беляков (Петрозаводск) «Карельская диалектная лексика», канд. филол. наук Ю. Пеэгель (Тарту) «Язык древних эстонских народных песен», канд. филол. наук Г. М. Керт (Петрозаводск) «Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка» и др.

На заключительном пленарном заседании был заслушан обстоятельный доклад зав. лабораторией экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР канд. филол. наук С. С. Высокского «Об использовании экспериментальной фонетики для диалектологических исследований». С. С. Высокский обратил внимание на то, что перед специалистами по экспериментальной фонетике стоит задача создания двух крупнейших коллективных работ: фонетических атласов и фонотеки всех языков и диалектов народов СССР.

В конце совещания была принята резолюция. Зам. директора Института языкознания проф. Ю. Д. Дешериев поблагодарил всех участников дискуссии и сообщил, что материалы финно-угорского совещания будут опубликованы в специальном сборнике, посвященном памяти видного финно-угроведа члена-корр. АН СССР Д. В. Бубриха.

А. П. Феоктистов
(Москва).

С 23 по 25 IX 1959 г. в Загребе проходил Второй съезд югославских славистов (о Первом съезде см. ВЯ, № 1, 1958, стр. 174), в котором участвовали делегаты из всех республик Югославии. Работа съезда происходила на пленарных заседаниях и в секциях — языковедческой, литературоведческой и педагогической. К языковедческой тематике относились доклады: акад. А. Белича (Белград) «Общеславянский и югославский диалектологические атласы»; П. Ивича (Нови Сад) «Результаты и основные направления славистической науки в свете IV Международного конгресса славистов»; Й. Вуковича (Сараево) «Современные задачи науки о сербскохорватском языке в Югославии»; З. Винце (Задар) «Современные задачи науки о литературных языках в Югославии»; Б. Конеского (Скопье) «Некоторые проблемы в связи с изучением македонского литературного языка»; Т. Димитровского (Скопье) «Влияние сербскохорватского литературного языка на македонский»; Б. Корубины (Скопье) «Некоторые явления в языке современных македонских писателей»; Л. Йонке (Загреб) «Значение и способы введения нового правописания»; С. Живковича (Загреб) «Унификация значения грамматических понятий»; М. Стевановича (Белград) «Сущность синтаксиса глагольных времен»; Б. Погорелец (Любляна) «Основная проблематика синтаксических исследований словенского языка»; Ф. Безлая (Любляна) «О задачах славистики»; Р. Пауновича (Цетинье) «Ватрослав Ягич»; И. Эсиха (Загреб) «Ягич и украинцы»; М. Храсте (Загреб) «Методология изучения наших диалектов»; Л. Вуйовича (Цетинье) «Один из вопросов диалектологии черногорских говоров»; В. Якич-Цестарич (Задар) «Из акцентологических

наблюдений над чакавскими материковыми говорами; М. Павловича (Нови Сад) «Влияние праславянских субстратов на формирование сербскохорватских диалектов»; Д. Брозович (Задр) «О значении балтийских языков для славистики и, в частности, для сербскохорватской диалектологии»; Ж. Милчица (Задр) «Далматинско-венецианские заимствования в сербскохорватском языке». По докладом развернулась оживленная дискуссия. Второй съезд югославских славистов принял ряд решений по организационным вопросам.

Н. Т.

6 октября 1959 г. в Институте русского языка АН СССР состоялся доклад проф. Д. П. Богдана (Румынская Народная Республика) на тему «Граффити из Бассараб». Доклад румынского ученого, привлечший как научных сотрудников Института русского языка, так и представителей других филологических специальностей, был посвящен описанию граффити, найденных в 1957—1958 гг. в Добрудже (РНР), в местности Бассараб (Констанцской области). Граффити эти, а также различные изображения оказались в пещерах, обнаруженных в меловом карьере в селе Бассараби. Пещер всего пять — в одной из них была маленькая церковь, остальные служили, очевидно, жилищем схимников. Некоторые из граффити написаны кириллицей, другие (их большинство) — руническим письмом. В рунических надписях также имеются отдельные славянские буквы. На одной из двух кириллических надписей (в пещерной церкви) приведена дата — 6.000, т. е. 992 г. нашей эры.

Подробно остановившись на палеографической характеристике найденных кириллических надписей, докладчик указал, что их буквы имеют архаические формы древнего устава геометрического типа. Некоторые из этих форм известны в дошедших до нас и описанных в литературе десяти древнеславянских кириллических надписях и граффити. Сопоставив вновь открытые граффити с тремя древнеславянскими надписями (Добруджская надпись 943 г., надпись царя Самуила 993 г. и Воронская надпись 996 г.), Д. П. Богдан установил ряд особенностей и различий в их графике. Эти различия настолько значительны, что докладчик выдвинул предположение об авторской принадлежности вновь открытых надписей не славянину, а дакийцу, изучившему древнеславянское письмо и язык. К тому же по происхождению и дате граффити из Бассараби можно связать с «Саввиной книгой» и Супрасльской рукописью, которые рядом крупнейших славистов (Шафариком, Ягичем, Воидраком, Крымским и Облаком) считаются написанными в Дакии. В последнее время графический анализ «Саввиной книги» и Супрасльской рукописи приводит к выводу, что они написаны также в X в.

Неизвестно, на каком языке даны надписи из Бассараби, и это прежде всего за-

трудняет расшифровку особенно рунических знаков и имеющих с ними изображений — бегущего коня, оленя, летящей птицы, драконов и отдельных частей человеческих фигур (видимо, православных святых), различных форм креста. Изображения отличаются большой реалистичностью и выполнены с исключительным мастерством. Общее число найденных рун — 112, среди них многие открыты впервые. Поскольку в нешифрованных граффити есть кириллица и кое-где глаголица, автор полагает, что все надписи сделаны не ранее X в. Заканчивая доклад, Д. П. Богдан подчеркнул большое научное значение сделанного открытия, указав, что, по его мнению, оно связано, в частности, и с такой важной проблемой, как возникновение румынской народности, которое в свете новых данных может быть отнесено к X в.

В обсуждении доклада приняли участие как лингвисты — профессора С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, П. С. Кузнецов, так и представители других специальностей — историк акад. Б. А. Рыбаков, палеограф доктор истор. наук М. В. Щепкина и др. Все выступавшие подчеркивали важное значение и исключительный интерес, какой имеет открытие в Бассараби. Особое внимание, естественно, привлек вопрос, на каком языке были написаны граффити. Указывалось на необходимость проведения археологических изысканий в местности находки.

Б. А. Рыбаков заявил, что кресты, рисунки которых были продемонстрированы докладчиком (как простой четырехконечный, так и мальтийский), говорят о принадлежности их IX—X вв. В находках XI в. такие кресты не встречаются. Также изображения драконов (ящеров) известны по костяным поделкам и курганным сосудам могильников IX — первой половины X в. Что касается изучения языка надписей, то крайне необходимо для этого ускорить печатную публикацию материала. По предварительному знакомству с граффити трудно судить, является ли язык надписей славянским, дакийским или тюркским.

М. В. Щепкина в своем выступлении отметила, что в Лаврентьевской летописи под 991 г. имеется запись о совместном походе князя Владимира с торками против болгар. Возможно, что именно наступившие чужеземных войск и заставило покинуть эти пещеры их обитателей — иноков, которые, унеся с собой, очевидно, немногочисленную церковную утварь (никаких предметов найдено не было), закрыли церковь, поставив в надписи у ее входа дату своего ухода и завалив меловыми плитами одну из пещер, где остались тела двух умерших (их скелеты теперь и были найдены).

Н. А. Баскаков указал на ряд замеченных им совпадений знаков бассарабских рун и знаков хунтско-тюркского ареала.

Председатель собрания заместитель академика-секретаря член-корр. АН СССР проф. С. Г. Бархударов, подводя

итоги обсуждения, благодарил докладчика и заверил его в готовности и советских специалистов оказать всемерную поддержку при дальнейшем исследовании и расшифровке вновь открытых памятников древней письменности.

Ф. Ф. Кузьмин
(Москва)

В Институте языка и литературы АН Узб. ССР в течение второго и третьего кварталов 1959 г. на собраниях лингвистического семинара славистов-востоковедов были заслушаны и обсуждались сообщения: руководителя семинара В. М. Попова «О тюркизмах в лексике литературного русского языка» (до слова *маштак*); «Воспоминания о Бодуэне де Куртене»; «Новое в теории голосоподачи» (о работе Л. В. Дмитриева в сб. «Проблемы физиологической акустики», вып. III, «Об исторической грамматике русского языка И. В. Устинова»; Ф. Абдуллаева «Флексия в уз-

бекском языке»; Ю. Н. Завадовского «Замечания о словаре тюркизмов в русской лексике Н. К. Дмитриева»; В. Г. Прокофьева «Об енидже-вардорском говоре македонского языка»; «О болгарском сборнике к IV Международному съезду славистов»; Г. И. Коляды «Новое в лексике первых печатных книг И. Федорова»; П. А. Данилова «О грамматических трудах И. И. Давыдова»; «О некоторых древних рукописях в библиотеке Среднеазиатского ун-та и библиотеке им. А. Навои»; «О самаркандской конференции по вопросам фразеологии». Кроме того, заслушаны юбилейные доклады, посвященные памяти Ф. Ф. Фортунатова и Бодуэна де Куртене. Намечено заслушать сообщение Н. В. Владимировой к 100-летию со дня рождения А. П. Чехова (на 65-м заседании семинара).

В августе 1959 г. в институте был организован сектор русской литературы и языка.

Вл. Попов
(Ташкент)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. — 1959, №№ 57—61.

Научная сессия выпускников Одесского гос. пед. ин-та иностранных языков. Тезисы докладов. — Одесса, 1959. 25 стр.

Ученые записки (Вильнюсского гос. пед. ин-та) (История и филология). Т. III — 1957. 320 стр. [на литов. яз.].

Ученые записки (Вильнюсского гос. пед. ин-та) (Литовский язык и литература). Т. VIII — 1959. 264 стр. [на литов. яз.].

Т. И. Антонова. Некоторые предложения и второстепенные члены. — Магнитогорск, 1959. 61 стр.

А. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. — Ашхабад, 1956. 191 стр.

А. Аннануров. Фонетика — раздел языкознания. — Ашхабад, 1959. 93 стр. [на туркм. яз.].

Г. Г. Полищук. Материалы к практическим занятиям по сравнительной грамматике восточнославянских языков (учебное пособие). — Саратов, 1959. 19 стр. [ротапринт].

М. В. Раевский. О соотношении глагольных единиц типа *übersetzen* и сложных глаголов типа *übersetzen* (к проблеме так называемых отделяемых-неотделяемых приставок в современном немецком литературном языке). Ученые записки Карельского пед. ин-та. Т. V. История. Литература. Языкознание. — 1957. Стр. 64—89 [отд. отд.].

М. В. Раевский. О некоторых лексикологических понятиях в зарубежной германистике. Ученые записки Карельского гос. пед. ин-та. Т. VI — 1959. Стр. 194—197 [отд. отд.].

Радянська школа. — Київ, 1957, № 4. 96 стр.

А. А. Москаленко. Синтаксис простого предложения давньоруської і української мови. Посібник для студентів-заочників. — Одеса, 1959. 68 стр.

Бюллетень издательства Чехословацкой и Словацкой АН — апрель — июнь 1959. 68 стр.; июль — сентябрь 1959. 48 стр. — Прага — Братислава.

EOS. Roczn. XLIX (1957—1958), zeszyt. 2. — Wrocław, 1959.

Recueil d'études romanes. Publié à l'occasion du IX Congrès international de linguistique romane à Lisbonne du 31 mars au 3 avril 1959. — Bucarest, 1959. 344 стр.

Sborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. — Bratislava. Ročn. X, 1958. 156 стр.

Э. Балецкий. О языковой принадлежности и заселении села Комлошка в Венгрии. *Studia slavica*. Т. II, fasc. 1—4—1956. Стр. 345—364 [отд. отд.].

Э. Балецкий. Из наблюдений над значением и распространением слова *d'ug*. *Studia slavica*. Т. III, fasc. 1—4—1957. Стр. 223—233 [отд. отд.].

Э. Балецкий. Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. *Studia slavica*. Т. IV, fasc. 1—2—1958. Стр. 23—46 [отд. отд.].

Э. Балецкий. Эгерский рукописный прологий. *Studia slavica*. Т. IV, fasc. 1—2—1958. Стр. 293—323 [отд. отд.].

О. Ducháček. Joliment — bellement. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university*. — 1959. Řada jazykovědná, A. 7. Стр. 99—105 [отд. отд.].

О. Ducháček. Sovětská kniha o sémantice. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university*. — 1959. Řada jazykovědná, A. 7. Стр. 114—117 [отд. отд.].

G. Nandriş. Old Church Slavonic grammar. — London, 1959. (XVI + 235) стр.